

Я сидел в гостиной и смотрел телевизор. Крутили какой-то не самый плохой фильм, но мои мысли постоянно отвлекал шум воды, доносящийся из ванной. Сейчас там была моя мама, и мой возбуждённый мозг просто не мог не подсовывать мне всяческие пошлые картинки, с ней связанные. Впрочем, особо напрягаться ему не приходилось — при желании, я всегда мог просто вспомнить один из многих случаев в прошлом.

Шум воды наконец стих, и, спустя ещё какое-то время, мимо меня прошла она — жёлтое махровое полотенце едва прикрывает большую, сочную грудь и упругую задницу. Сколько раз я видел её голой... но больше всего она меня возбуждала именно вот так — едва прикрывшись, на грани соблазна. Ну уж нет, сегодня я её так просто не отпущу.

— Мам, погоди, — окликнул я её, когда уже поставила ногу на ступеньку лестницы, собираясь подниматься наверх.

— Да? — обернулась она ко мне, вопросительно вскинув бровь.

Быстрым движением я встал с дивана и подошёл к ней. Заглядывая в её большие, синие глаза, произношу заранее заготовленную фразу, выговаривая каждое слово:

— Слушай... А может, чуть развлечёмся, пока ты ещё не успела одеться?

Вопросительное выражение сменилось на протестующее.

— Ну нет, я только из душа, а после тебя мне снова придётся туда лезть!

Её руки упираются в мою грудь, но не отталкивают — хороший знак. Значит, сегодня мне точно что-то перепадёт.

— Прошу, ну у меня уже всё утро стоит.

Быстрый, любопытный взгляд вниз и тут же — обратно.

— А ты разве не можешь сам как-нибудь?... — голос её немного утратил в уверенности, немного уступив место заботе. Или это скрытое желание?..

— Да брось, мне же не тринадцать, в конце концов.

Пару мгновений молчания, и вот, наконец — победа её похотливого любопытства над невзрачными доводами разума.

— И что, прямо с самого утра? — её голос так и сквозил заботой, столь знакомой. Столь фальшивой. — Прямо камень, да?

— Не то слово, — подтвердил я, отступая под напором её рук обратно к дивану.

— Но только в душ я всё равно не хочу больше лезть, — мама толкнула меня диван, попутно опускаясь передо мной на колени. — Поэтому обойдёмся минетом, ладно?

Звук расстёгиваемой молнии на моей ширинке. До чего же люблю его слышать...

— И постарайся побыстрее кончить, я ещё хотела съездить в центр, — добавила она, стягивая с меня штаны.

— А... ты могла бы тогда сглотнуть в конце?

Один вопрос, всего-навсего набор ничего не значащих по отдельности слов... и всего-навсего одна мысль, этим вопросом порождённая, которая тут же заставляет мой вздыбленный член напрячься так, словно это мой последний секс в мире.

— Ох... Может, не сегодня? От этого потом такой запах изо рта... — Её глаза сверкнули озорным огоньком, когда она наконец высвободила моего красавца от оков ткани.

— Знаешь, мысль о том, как я наполняю твой рот своим тягучим, терпким, пахучим

семенем... — при этих словах она чуть закусила губу, всё ещё не отрывая взгляда от головки моего члена. — Только от этой мысли я уже готов кончить.

— Ладно, чёрт с тобой.

Мама сплюнула на свою ладонь и прошлась ею по моему члену, увлажняя и подготавливая его. Сейчас начнётся самое интересное...

Обхватив член у самого основания колечком из большого и указательного пальцев, она с маху припала к нему, заглотив целиком и касаясь своими губами того самого колечка. Я буквально мог чувствовать головкой её сердцебиение, а яйцами — её двигающийся язык. Посидев так немного, она отпрянула, вдохнула ещё немного воздуха, и снова буквально надела своё лицо на мой член. До чего же хорошо...

Я посмотрел на неё, на её глаза, не выражавшие ровным счётом ничего — будто она занималась самой обычной, рутинной работой. Тут же мне вспомнился наш с ней первый опыт в этой практике «глубокой глотки». Она тогда заранее подготовилась, тренируя рвотный рефлекс на огурцах и морковках. А когда она в первый раз попыталась заглотить весь мой член целиком... Чёрт, до чего же забавное у неё тогда было выражение! Тут же выпустив мой член изо рта, она принялась возбуждённо делиться со мной своими эмоциями. Для неё, похоже, это много значило тогда.

Тем временем мама, видя, что кончать я пока не собираюсь, в последний раз заглотила мой член, теперь уже сзади обхватив мою задницу обеими руками и буквально притягивая свою голову к моему паху, стараясь протолкнуть упирающийся орган ещё хоть на миллиметр дальше в себя. Продержавшись так с полминуты, она, наконец, отпрянула назад, громко вдохнув. Судорожно сглотнула содержимое своего рта, после чего резким движением стянула со своей головы уже давно сбившееся полотенце, из-под которого на её плечи осипался целый водопад влажно поблескивающих светлых волос. В нос тут же ударили запах её шампуня, добавившись к прежнему запаху бальзама, которым она обычно натирает свою кожу.

Как следует отдохнувшись, она вновь припала губами к моему члену — но на этот раз только к головке. Натянув мою крайнюю плоть до предела, она принялась неистово обхаживать уздечку и кончик своим языком. Вот ведь чертовка, знает, как я от этого тащусь. В блаженстве, я закрыл глаза и запрокинул голову.

И всё-таки, это удивительно, что мы можем с ней вот так запросто заниматься подобными вещами. Наверное, будь у нас чуть больше разницы в возрасте, ничего подобного не случилось бы и в помине. Мать родила меня, когда ей было всего шестнадцать лет. На её (и моё, чего уж кривить душой) счастье, залетела она не от какого-нибудь простого, дворового пацана, а от весьма успешного на тот момент молодого человека, впоследствии ставшего моим отцом. Ему тогда было двадцать шесть. Должно быть, уже тогда моя будущая мамочка имела выдающиеся формы, раз смогла отхватить себе такого мужчину. Выдающиеся настолько, что бедняга не смог удержаться и засадил прямо в неё всю обойму спустя каких-то полгода с момента их знакомства. Но, как это ни странно, такое положение дел отнюдь не разрушило их идиллию, и даже немного способствовало их браку. Как человек, росший в их семье, я могу точно сказать, что проблем у них не было. Возможно, они могли бы возникнуть в будущем, если бы отец столь скоропостижно не покинул этот мир.

Для всех остальных это был инфаркт, для нашего же узкого круга посвящённых — выстрел одного из «партнёров» по бизнесу. После себя он оставил огромный дом за городом, пару

автомобилей, приличную сумму на банковском счёте... и процветающий бизнес, который не преминул тут же отжать тот самый партнёр. Мне было пятнадцать. Я тогда о многом думал... Хотел даже найти ствол и отомстить этому подонку. Но грёзы так и остались грёзами, да и это во благо, как я понял потом. В конце концов, нас с матерью после этого уже никто не трогал, и мы вполне могли безбедно прожить хоть всю жизнь на то, что оставил нам отец. Мать, отнюдь не будучи дурой, продала обе машины и дом, переехав вместе со мной в домик поскромнее, и купила несколько участков и квартир по всему городу, которые теперь позволяют нам получать стабильный доход выше среднего и ни в чём себе не отказывать.

— Эй, да что с тобой такое, — голос мамы вывел меня раздумий, в которые я невольно погрузился. — Ты совсем обмяк!

— Чёрт, прости... Я просто задумался немного, — член и вправду совсем потерял в крепости от всех этих дум.

— Что?! Задумался? Я тут, значит, ему член ртом полирую, а он изволил задуматься!

Мама вскочила, уперев руки в бока. Мой взгляд тут же отметил тот факт, что полотенца на ней уже не было — то ли оно само упало, то ли она специально сняла его, пока занималась моим членом. Таким нехитрым образом, передо мной теперь гневно покачивалась её огромная грудь... с торчащими сосками. Да она же возбудилась! Ну, теперь точно, перепихону — быть. Надо лишь мягко подвести её к этому...

— Ну прости, я не нарочно, — я встал и медленно подошёл к ней. Хотел было сказать, что думал об отце, но мысль о нём наверняка расстроит её, поэтому я лишь ласково улыбнулся и обнял её за талию, чуть прижимаясь. — Я бы хотел загладить свою вину, — прошептал я ей на ухо, попутно опуская руку вниз, к её животу. — Давай... давай я теперь сделаю тебе приятно?

Как я и ожидал, там всё было влажным и скользким. Мама отвернула голову в сторону, но руку мою не убрала, и даже не отстранилась.

— Я не знаю, у меня теперь настроения нет...

— Правда? А по-моему, твоё тело считает иначе, — заметил я, проникая пальцами в её лоно. Когда я поднял на неё взгляд в следующий раз, то тут же встретился с её глазами — в них не было ни капли обиды, лишь прежние чёртики плясали свою похотливую пляску.

— Ладно, уговорил, — произнесла она, проходя мимо меня на диван. Развернулась перед ним, эротичным движением легла на спину и широко расставила ноги, открывая моему взору идеально выбритый лобок и раскрывшиеся от возбуждения половые губы. Затем поджала губы, в попытке сдержать улыбку, и вопросительно вскинула бровь.

— Ну и чего ты ждёшь? Особого приглашения?

— Никак нет, — шутливо отрапортовал я в ответ, стягивая с себя футболку.

Однако тут же бросаться к заветному цветку сnectаром я не стал, а начал с лёгкого ублажения её ног. Лишь глупцы, по неопытности или от переизбытка чувств, тут же приступают к десерту. По настоящему искушённые знают, что весь смак — в предвкушении, или в прелюдии, если угодно. И чем дольше ты оттягиваешь сладостный момент — тем лучше и красочней получается букет эмоций в конце. Благо, что сейчас у меня было достаточно времени для любой фантазии и желания.

Стараясь быть максимально нежным, я массировал её стопу, покрывая поцелуями розовый лак и гладкую кожу. Теперь уже мама откинула назад свою голову, отдавшись во власть порока. Не то, чтобы мне сильно нравился такой фетиш (хотя это тоже возбуждало, немного) — но это совершенно точно нравилось ей. И чем лучше я справлюсь сейчас — тем более

весомая отдача будет с её стороны потом. Этот урок я уяснил уже давно, и довольно быстро. Закончив с её стопами, я перешёл чуть выше, к коленям и бёдрам. Задерживаться здесь надолго не было никакого смысла — хоть лапать «мясцо» было и приятней, но никаких эрогенных зон у матери тут не было, а посему — уверенное движение вперёд, к заветной цели. А вот и они, ворота в рай. Раскрывшиеся, чуть ли не трепещущие лепестки и яркая вишенка посередине. Поистине завораживающее зрелище. Но — не спешить. Самое главное сейчас — дать ей слабый, едва заметный намёк, для затравки. Легко коснуться клитора кончиком языка — готово. Теперь, взбудоражить эмоции, открыть в ней клетку с дьяволицей, имеющей в запасе нескончаемый поток похотливых желаний. Пройтись языком по половым губам, всё ещё лёгким, едва уловимым движением — есть. Самая сладкая из пыток, которую мог придумать человеческий разум — дабы властвовать над основным инстинктом.

Краем глаза я заметил, как натянулась ткань около её ладоней. Это она сжала руки что есть силы, удерживая своё тело от того, чтобы не схватить меня за голову и прижать к себе, к своему влагалищу. Удивительно, но в такие моменты я мог буквально чувствовать каждую её эмоцию. А их было не мало.

Теперь, основная часть. Безо всякого ритма и логики я принялся хаотично работать языком, не оставляя ни одну деталь незамеченной. Тут были и быстрые, яростные движения языком по клитору, и неспешные, но оттого такие сладкие хождения вдоль всей длины её киски. Иногда я припадал к её лону губами и неистово, с хлюпаньем всасывал в себя всё её содержимое. В какой-то момент она не выдержала и начала подмахивать бёдрами, страстно постанывая. Я же, в свою очередь, не прекращал своего орального упражнения, всё набирая темп. В конце всё равно всё сводится именно к этому, как бы ты не начинал — бешеные движения языком до тех пор, пока он не начнёт неметь от усталости.

Однако, не в этот раз. Когда я уже собирался приступить к финальной фазе, мама внезапно решила поменять позу. Магическое число «69» не требовало каких-то отдельных разъяснений — и вот, я лежу на спине, а моя мамочка на мне. Её сладкая киска прямо передо мной, а внизу на мой член вновь насаживаются самые нежные губы.

Вообще говоря, делать куни своей матери мне было не в пример приятней, чем другим девушкам. её на пляже в бикини, загорающей на шезлонге. Нет, я и раньше видел маму такой, всё же отец довольно часто возил нас на разные пляжные курорты. Но именно тогда, на пляже Италии, я впервые подумал о ней как о женщине, а не как о матери. Весь оставшийся день я не мог прекратить думать о ней. Эти мысли были столь страстными... Запретными... и дико возбуждающими. В тот же день, в кабинке для переодеваний я впервые открыл для себя всю прелесть мастурбации. Но всё же, это было не столь круто, как настоящий, невыдуманный секс.

Мамочка всё ещё сидела на мне, уже не прыгая, как на гимнастическом шаре, но плавно двигаясь взад-вперёд, запрокинув голову назад и выгнув спину. Как это ни обидно, но до её груди мои руки уже не доставали, только если вот так... нет, всё равно неудобно. Пришлось довольствоваться бёдрами и мягкими ягодицами — что тоже, в общем-то, было не плохо.

Было две вещи, которые лично для меня были весьма важными и удобными в наших с ней отношениях. Во-первых, я мог быть на сто процентов уверенным, что не подхвачу от неё никакой заразы, чего нельзя было сказать о случайных девушках. Во-вторых, я мог сколько угодно наполнять её своим семенем, не опасаясь её беременности. Всему виной (наверное, всё же в хорошем смысле) был врач-акушер, который принимал у моей матери роды. Может он

просто был пьян, возможно, всему виной нелепая случайность... но, доставая меня из лона матери, он что-то зацепил у неё внутри, что впоследствии отразилось на её полном бесплодии. Но, так как других симптомов так и не было выявлено, все негласно приняли, что это не такая уж и проблема.

... А я снова вернулся мыслями к той, первой для нас ночи. Поначалу, когда я только коснулся её и мягкими, завуалированными словами попытался донести до неё, чего я хочу, это испугало её. Всё же, в её понимании, секс матери с сыном был чем-то диким и неправильным. Но, возможно, мои примеры из античности были достаточно убедительными, или полуумрак глубокой ночи и выпитый алкоголь позволили ей разглядеть во мне черты моего отца... и вот, первый, неуверенный и даже робкий поцелуй, в котором я чуть ли не насилием заставлял себя не замечать вкус алкоголя. Затем, спустя пару движений, она сидит передо мной в одном нижнем белье, всё ещё в сомнениях. Но я уже тогда был достаточно осведомлён в плане секса, чтобы парой касаний избавить её от них. Вместе с её лифчиком и трусиками, разумеется.

Однако то, чего я ждал столь долго, случилось столь быстро... Непозволительно быстро, я бы сказал. Я тогда просто лёг прямо на пол кухни и мама, безо всяких прелюдий, села на меня сверху. Пару движений — и вот я уже кончил, даже не вынув члена. Она тогда, кажется, этого даже не заметила. Просто собрала свои вещи и быстро ушла в свою комнату, оставив меня лежать на холодной плитке. Но, не смотря на всю бурю одолевавших меня на тот момент эмоций, я всё же понимал — начало положено. Понимал, и оттого улыбался самой нахальной и счастливой улыбкой.

На следующий день мы поговорили об этом. Я поначалу боялся, что она попытается вернуть наши старые отношения «мать-сын», но этот страх был абсолютно напрасен. Она лишь удостоверилась, что я действительно этого хочу, что не перестану уважать её как мать и, самое главное, что больше не буду так быстро кончать. Да уж, тот случай до сих пор будит во мне улыбку. А её слова можно было бы занести под рамочку и повесить на стенку как свод нерушимых правил.

— Всё, я устала, — двинувшись в последний раз, она слезла с меня и упала на спину рядом, еле сводя онемевшие ноги вместе. — Давай, твоя очередь потеть, а то лежишь бревном...

— Эй, ты же сама этого хотела, — заметил я.

— И?... — вопросительно повернула она ко мне свою голову.

— Теперь моя очередь изъявлять желания.

— О как... И чего же хочет мой господин? — последние два слова она произнесла с особой, томной интонацией.

— Я хочу... — в голове пронеслась куча разных поз, но остановился я всё равно на самой любимой. — ... чтобы ты повернулась и подняла свой зад повыше.

— Ох, неужели опять?... Мы каждый раз так заканчиваем.

— Да брось, тебе это нравится не меньше моего. Да и вообще, — я старательно напустил на себя грозный вид, что тут же отразилось в её улыбке. — Кто это тут перечит воле Господина?!

— Ой, простите меня, я сию же минуту подставлю свою попку для вашего члена, — произнесла она тонким фальцетом, принимая желаемую мною позу. — Господин.

— Так-то лучше.

Мама лежала передо мной, старательно выгнув спину и подняв попку. Моему взору открылось прекрасное, разработанное анальное колечко, призывающее передо мной. Не

удержавшись, я смаочно плюнул, попав точно в него.

— Эй! Ты же знаешь, я этого не люблю.

— Ладно, больше не буду.

Ах, какое блаженство... Я ввёл свой член на всю длину внутрь и оставил там, наслаждаясь ощущениями того, как основание моего члена массировалось периодическим сжиманием и разжиманием её колечка. Хорошо... но всё же не так, когда мы попробовали это впервые. Ух, тот день был поистине незабываемым.

Мы уже как с полгода вели совместную сексуальную жизнь, и я наконец отважился предложить ей анал. Помню её первые сомнения... и как у меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло, когда, в очередной раз прия домой, она с загадочной улыбкой достала из сумки заветную баночку с надписью «Вазелин». После продолжительных, но столь необходимых процедур, она наконец была готова. И вот, её спальня, мама стоит передо мной на четвереньках, старательно пытаясь расслабить сфинктер, и я, весь перемазанный в вазелине и тыкающий в неё пальцем, стараясь «разработать» её дырочку. Наконец, когда мне показалось, что уже достаточно, я поднёс к ней свой член... и словно упёрся им в стенку. Мама непроизвольно вся так сжалась, что уже ни в какую не могла расслабить эту заветную мышцу. Тогда я пошёл на хитрость и принялся массировать ей ягодицы, пока она подбадривала себя, теребя свою киску.

И вот, наконец, створки ворот этой неприступной крепости чуть приоткрылись. Этого было достаточно, оставалось лишь провести уверенную атаку уже давно готовым тараном, и... О, да, врата пали под моим натиском, и Тёмная Крепость была взята. Мама чуть вззвизгнула от неожиданности, но быстро пришла в себя. А я, не зная толком, что делать с этим новоприобретённым богатством, хотел было трахнуть её в своём обычном темпе, но, судя по сдавленным возгласам и побелевшим костяшкам на её пальцах, тут требовался куда более деликатный подход. Мягко и медленно, насколько это вообще возможно, я начал вводить в неё свой член, сантиметр за сантиметром, пока не оказался в ней полностью. Дело затруднялось ещё и тем, что она всё ещё не могла толком расслабиться, и сжимала мой член своей задницей так, словно пыталась откусить его.

Заканчивать тогда пришлось традиционным, вагинальным сексом, поскольку из-за боли она бы всё равно не смогла бы толком прочувствовать всю прелесть анала. Я же, в свою очередь, пытался убедить её, что в этом совершенно нет ничего столь ужастного — в конце концов, у нас ещё бессчётное количество попыток впереди для этого.

Как я и ожидал, вскоре она уже просто не могла без этого. Разбудив меня однажды ночью, она принялась возбуждённо уверять меня, что «теперь всё получится». Как оказалось, она снова натренировалась на несчастных огурцах, и в этот вечер всё же смогла ввести плод в себя, не испытав при этом боли. На мой недоумённый взгляд она просто развернулась передо мной, и прямо так, задрав халатик и отодвинув полоску трусиков, приказала мне «дать наконец ей это». Что ж, дважды просить не пришлось.

Тем временем я настоящий уже перешёл к активной фазе наших анальных утех — полностью внимая своего солдатика, я тут же быстрым движением вгонял его обратно, что доставляло неописуемое удовольствие моей матери, судя по её несдержаненным стонам. Или, погрузив в неё лишь головку, снова предоставлял ей возможность поупражняться сфинктер. Наконец, вдоволь наигравшись с её попкой, я снова похлопал её по ягодице, не вынув при этом из неё члена.

— М-м-м?..

— Ты помнишь своё обещание?

— Какое? — повернулась она ко мне в недоумении.

— Ну... сглотнуть.

— Нет! — она с протестом попыталась высвободиться, но я крепко держал её за талию.

Наконец, она успокоилась и произнесла уже чуть более спокойно: — Я не буду брать у тебя в рот после того, как ты елозил им в моей заднице!

— Этого и не требуется. Просто опустись на колени и открай рот пошире.

Пару секунд она ещё колебалась, но возбуждение наконец сделало своё дело, и она послушно опустилась передо мной на колени. Я еле сдерживался, столь необычные чувства обуревали меня в эти мгновения.

— Только не касайся им моего лица, ладно?

— Разумеется...

— И не попади на ковёр!

Я принял яростно надрачивать, вспоминая всё произошедшее сегодня и попутно следя за тем, что бы случайно не прикоснуться к ней. И вот, сладостный момент... Не в силах сдержать эмоции, я довольно громко выдохнул, выплёскивая свою густую, белую сперму в её широко открытый рот, на её высунутый язык и сахарные зубы. Я всё ещё стоял перед ней, пока она проглатывала моё семя и облизывала остатки с губ и зубов. Затем, бросив на мою головку, которая всё ещё сочилась семенем, долгий взгляд, произнесла:

— А, чёрт с тобой...

... И взяла мой член в рот, старательно вылизывая его и уделяя особое внимание головке, из которой она при помощи пальцев и языка выдавала последние капли, не забывая при этом активно сглатывать, пока мой член наконец полностью не обмяк во влажном тепле её рта.

Я всё так же сидел перед телевизором, но только сейчас он был выключен, а я, наполненный блаженной апатией, слушал негромкую музыку, доносившуюся из наушников. Приятная мелодия навевала старые воспоминания, в которых мы, всей дружной семьёй, отдыхали где-нибудь в Германии. Я, столь беззаботный, набиваю пакет конфетками из автомата. Мама, весело болтающая с кем-то по телефону. И улыбающийся отец, подначивающий меня набрать побольше конфет, пока никто не видит. Воспоминания были столь осозаемыми, что, казалось, протяни руку — и ты окажешься там. Лишь негромкий шум воды где-то вдалеке служил мне маяком к реальности